

Эти дни Гань Цзиньюань ежедневно кружил вокруг резиденции князя, но так и не смог встретиться с тем, кто был ему дорог. Радость от возвращения и предвкушение встречи с Чжун Сибаям давно угасли, сменившись лишь бесконечной тоской.

Дни тянулись один за другим, и наконец настал день, когда Гань Цзиньюань должен был взять в жены Чжан Чжилань.

Облаченный в красные свадебные одежды, Гань Цзиньюань не выражал ни единой эмоции. Даже в этой праздничной атмосфере от него веяло ледяным холодом. Многие из тех, кто приходил поздравить его, лишь качали головами, не в силах понять, почему молодой герой, которому досталась первая красавица Поднебесной, выглядит столь безутешным.

Зал был полон гостей, но Гань Цзиньюань так и не увидел Чжун Сибая. Впрочем, он уже знал, что тот не придет.

Мысли, роящиеся в голове, приносили лишь досаду. Гань Цзиньюань одну за другой осушал чаши с вином, подносимые гостями. Пил он жадно и стремительно, вызывая лишь усмешки окружающих, которые полагали, что он просто торопится к невесте.

Дорога каждая минута брачной ночи.

Подчиненные общими усилиями доставили уже потерявшего сознание от алкоголя Гань Цзиньюаня в спальню, после чего, толкаясь и перешучиваясь, покинули покои.

— Юнъань... — пробормотал Гань Цзиньюань в бреду.

Услышав это имя, Чжан Чжилань сама сбросила с головы красную накидку. Она смотрела на Гань Цзиньюаня, чье лицо исказилось от нескрываемой досады и обиды...

Если бы не этот человек, она должна была стать супругой князя Пина!

Раньше они часто общались, и она испытывала к князю нежные чувства, а он отвечал ей взаимностью. Незадолго до возвращения Гань Цзиньюаня князь даже обещал ей, что попросит императора издать указ о помолвке. Но как только этот человек вернулся, все изменилось. Князь не успел обратиться к брату, как ее уже сосватали за Гань Цзиньюаня. Пусть он молодой и подающий надежды генерал, но разве может он сравниться с князем Пином, который так искренне и неуклюже признавался ей в любви?

С этой мыслью Чжан Чжилань одним пинком сбросила Гань Цзиньюаня с кровати. Сама мысль о том, что ей придется делить с ним ложе, вызывала у нее тошноту. Она твердо решила: она ни за что не позволит ему прикоснуться к себе!

Что за генерал, к черту его!

Тем временем в резиденции князя Чжун Сибай, пытаясь утопить горе в вине, лежал на полу, усеянном пустыми сосудами. Он обнимал один из них, прикладываясь к горлышку. Вино стекало по его подбородку, пропитывая волосы и воротник, и от него разило спиртным — он был мертвецки пьян.

Вдруг дверь отворилась.

Услышав шум, Чжун Сибай с трудом разлепил затуманенные глаза и посмотрел на вошедшего:

— Старший брат, ты пришел...

Ся Чандэ опустился перед ним на корточки. Глядя в его влажные, пьяные глаза, на его прекрасное, залитое румянцем лицо, Ся Чандэ невольно ощутил исходящую от него чарующую притягательность — ошеломляющую и лишаящую воли.

Чжун Сибай смотрел на Ся Чандэ, и в его глазах заблестели слезы. Голосом, полным детской обиды, он повторял:

— Почему... ну почему...

Ся Чандэ протянул руку и стер слезу с его щеки, прошептав:

— Не вини старшего брата.

Неизвестно, слышал ли Чжун Сибай его слова, он лишь продолжал спрашивать, почему так вышло.

Ся Чандэ тихо вздохнул и поднял его с пола. Сосуд с вином выскользнул из рук Чжун Сибая и покатился по полу. Стараясь не наступить на осколки и бутылки, Ся Чандэ вынес его из пропитанной винными парами комнаты в другую, чистую, заранее подготовленную Фу Цюанем, и бережно уложил на кровать.

Только он хотел выпрямиться, как заметил, что Чжун Сибай по-прежнему сжимает его воротник, упорно продолжая спрашивать, почему.

Ся Чандэ невольно усмехнулся, поглаживая его по щеке.

Он ничуть не жалел о своем указе. Напротив, он считал этот ход гениальным — одним выстрелом двух зайцев. Его младшему брату достаточно его заботы. Раз так, то и в глазах брата должен быть только он один, как в те времена, когда они выживали, полагаясь лишь друг на друга.

Только когда эти чувства изменились? Он и сам не знал. Возможно, когда узнал, что у Чжун Сибая появился кто-то на примете, или когда наблюдал, как тот сближается с Гань Цзиньюанем, чувствуя уколы ревности.

— Старший брат, мне так плохо. Ты больше не любишь меня? — Чжун Сибай прижал руку к груди, болезненно хмурясь, и посмотрел на него сквозь пелену слез.

Взгляд Ся Чандэ потемнел. Он перевернулся, нависая над Чжун Сибаем, и склонился к самому его уху:

— Конечно, люблю. Я хочу любить тебя так сильно, как только возможно.

— Тогда почему ты...

Чжун Сибай, заплетающимся от вина языком, не успел договорить — Ся Чандэ накрыл его губы своими...

На следующее утро, очнувшись, Чжун Сибай уже не помнил, что ночью приходил Ся Чандэ. Увидев, что находится в другой комнате, он решил, что его перенес Фу Цюань, и не придавал этому значения.

— Фу Цюань! Принеси мне вина! — крикнул он.

Войдя в комнату, Фу Цюань опустился на колени:

— Ваше Высочество, вам больше нельзя пить.

Чжун Сибай нахмурился:

— Разве тебе решать, что мне делать? Я сказал — принеси!

— Слушаюсь, сейчас принесу. — Фу Цюань поклонился и попятился к выходу.

Чжун Сибай сидел на кровати, массируя виски, и ждал. Вскоре Фу Цюань вернулся. Чжун Сибай взглянул на него, но вместо вина увидел в руках слуги птичью клетку.

— ... — Чжун Сибай молча перевел взгляд с клетки на опущенное лицо Фу Цюаня. — Только не говори мне, что теперь вино подают в клетках.

— Что вы, Ваше Высочество, это настоящая птица. Император прислал ее вам. — С этими словами Фу Цюань снял с клетки черную ткань.

Чжун Сибай посмотрел на птицу, которая в ответ уставилась на него, и после минутного молчания спросил:

— Зачем брату присылать мне птицу без всякой причины?

— Ваше Высочество, вы не знаете, но эта птица удивительна. Когда Его Величество уходил из вашей резиденции, она внезапно упала с небес прямо ему в руки. Полагаю, ее поразило могущество императора, и именно поэтому она сломала крыло, пролетая над ним...

Чжун Сибай, не в силах больше слушать, поднял руку:

— Постой, постой. Ты хочешь сказать, что брат был здесь?

Фу Цюань замер и кивнул:

— Да, Его Величество провел здесь всю ночь, ушел только в четвертую стражу. Какая милость! Император так благоволит к вам, вы ни в коем случае не должны пренебрегать его заботой...

— Довольно, я понял. Продолжай.

Фу Цюань запнулся, а затем продолжил:

— Получив эту птицу, Его Величество, вероятно, был тронут, посчитав это знамением свыше. Он оставил ее у меня и велел повесить в ваших покоях, а также передать вам: если на душе станет тоскливо — посмотрите на нее.

Чжун Сибай пропустил мимо ушей слова о знамениях. Суть была проста: когда Ся Чандэ уходил, с неба упала птица, он решил передать ее Фу Цюаню, намекая, чтобы Чжун Сибай пил меньше, а когда станет грустно — развлекался с птицей.

— Принеси ее, я посмотрю, — сказал Чжун Сибай.

— Слушаюсь. — Фу Цюань поднес клетку ближе.

— Да это же обычный воробей.

Фу Цюань тут же возразил:

— Ваше Высочество, как можно! Птица, ощутившая величие Его Величества, не может быть обычной!

— ... — Чжун Сибай потер виски.

Видя это, Фу Цюань добавил:

— Имперский врач Лу уже давно ждет по приказу Его Величества. Пригласить его?

Чжун Сибай вздохнул. Раз уж врач пришел, деваться некуда.

— Зови.

Фу Цюань поставил клетку на видное место и вышел. Чжун Сибай залез обратно под одеяло, позволяя врачу проверить пульс. После осмотра тот приготовил несколько отваров и лично передал их Фу Цюаню, наказав следить, чтобы принц выпил всё до последней капли. Фу Цюань, конечно, воспринял это как закон и не отходил от Чжун Сибая, пока тот не осушил полную чашу.

Фу Цюань думал про себя: быть принцем — тяжелая доля. Даже если нет болезни, все равно пить лекарства, просто жалко его.

Выспавшись, Чжун Сибай встал, взял клетку и пошел прогуливаться по резиденции. Птица вела себя тихо, сидела на жердочке и даже не пыталась летать, словно не чувствовала себя в неволе.

Чжун Сибай смотрел на нее и подозревал, что она просто ленива до смерти — настолько, что забыла, как летать, и поэтому упала прямо в когти Ся Чандэ.

Тем временем у Гань Цзиньюаня первый день супружеской жизни не задался. В резиденции генерала все видели, что отношения между супругами холодные. При встрече с родней Чжан Чжилань вела себя высокомерно, и мать Гань Цзиньюаня, увидев это, поспешила завершить формальности.

Гань Цзиньюань не обратил внимания на равнодушие матери к невестке и просто увел жену в свои покои.

А Чжан Чжилань, и без того раздраженная, чувствовала, что брак с Гань Цзиньюанем — это унижение. Вернувшись, она сорвала злость на служанке, а домашние предпочли сделать вид, что ничего не заметили.

Вечером Гань Цзиньюань вовсе ушел спать в кабинет, и никто не осмелился его переубедить.

Хотя Чжан Чжилань сама искала способы избежать близости, поступок мужа, ушедшего без единого слова, стал для нее пощечиной. Она возненавидела его лютой ненавистью, мечтая о том, как стала бы супругой Чжун Сибая — тогда даже Гань Цзиньюань падал бы перед ней на колени!

Ночью ей снилось, что она выходит замуж за Чжун Сибая. Сон был прекрасен, и тем больнее было возвращаться в реальность.

Через три дня, когда пришло время навестить родителей жены, Гань Цзиньюань сохранил лицо и поехал с ней, но за всю дорогу они не обменялись ни словом. Отец Чжан Чжилань, будучи проницательным человеком, сразу понял, что в семье разлад, и лишь вздыхал, надеясь, что в будущем все наладится.

Прошел месяц. За это время они виделись в резиденции всего несколько раз.

Все это время Гань Цзиньюань ежедневно посылал письма в резиденцию князя, но те словно канули в море. В моменты особой тоски он доставал письма, которые когда-то писал ему Чжун Сибай, перечитывая каждое слово, и на его лице появлялась слабая улыбка.

Но если в письмах упоминалось имя Чжан Чжилань, он, как бы ни дорожил посланиями, без колебаний сжигал их. Он возненавидел само существование этой женщины в своей жизни.

Ему было известно, что Чжан Чжилань бесчинствует в доме, но он не хотел вмешиваться. Точно так же его не волновали ее обиды.

Однако слухи, долетавшие до Чжан Чжилань, заставляли ее винить во всем Гань Цзиньюаня. Однажды, услышав, как слуги шепчутся, что у генерала в сердце другой, она пришла в ярость, жестоко наказала слугу и ворвалась в кабинет мужа.

Гань Цзиньюань писал картину. Увидев ее, он нахмурился:

— Уходи. Больше не смей сюда входить.

Чжан Чжилань взвизгнула:

— Почему это я не могу здесь быть? Может, здесь скрыто что-то постыдное?

— Не устраивай сцен. Кто-нибудь, выведите госпожу.

На самом деле, Гань Цзиньюань называл ее госпожой лишь потому, что не хотел произносить ее имени.

Когда служанки попытались ее увести, Чжан Чжилань бросилась к столу и выхватила свиток:

— Дай-ка я посмотрю, кто эта драгоценная особа, которую ты прячешь!

Картина была незаконченной, и понять, кто на ней изображен, было сложно. Но Чжан Чжилань вела себя так, будто застала мужа с любовницей, забыв, что их брак — лишь фикция, а у нее самой тоже был человек, которого она любила.

Осознание того, что Гань Цзиньюань любит кого-то другого, стало для нее оскорблением. Как он смеет любить кого-то, когда у него есть она — первая красавица Поднебесной?

Поскольку она привыкла властвовать, она считала, что все в доме принадлежит ей, включая этого мужчину. Почему он не любит ее, не балует, не пытается завоевать ее сердце?

В порыве гнева она потеряла рассудок. Гань Цзиньюань попытался вырвать картину, но она вцепилась в нее мертвой хваткой. Нахмурившись, он дернул свиток, и тот разорвался пополам.

Чжан Чжилань рассмеялась:

— Испугался, значит!

— Абсурд! — Гань Цзиньюань бросил на нее взгляд и направился к выходу.

Она швырнула кусок картины и бросилась за ним, хватая за рукав:

— Не уйдешь, пока не скажешь! Кто эта дрянь?!

Гань Цзиньюань, потеряв терпение, оттолкнул ее:

— Уведите госпожу! И впредь запрещаю ей приближаться к кабинету!

Он ушел, не оглядываясь. Чжан Чжилань, упавшая на пол, смотрела ему вслед с нескрываемой злобой.

Ссора в кабинете быстро стала известна всей резиденции. Мать Гань Цзиньюаня вызвала невестку к себе и отчитала ее. Чжан Чжилань молчала, но в душе ее ненависть лишь росла.

Мать Гань Цзиньюаня, женщина властная, сразу заметила ее гнев. Она приказала Чжан

Чжилань отправиться в молельню и переписывать буддийские сутры в течение месяца. Если не закончит — срок удваивается.

Чжан Чжилань пришлось подчиниться. Свекровь решила взяться за нее всерьез: раз уж та перешла все границы, пусть пеняет на себя.

С того дня Чжан Чжилань каждый день проводила в молельне. Но даже в этом святом месте ее сердце оставалось таким же черным, как чернила, которыми она выводила иероглифы. Она не каялась. Напротив, чем сложнее были тексты, тем сильнее она ненавидела всех вокруг: нерадивых слуг, нелюбящего мужа, суровую свекровь. Ей казалось, что весь мир виноват перед ней.

Гань Цзиньюань знал о наказании, но не испытывал ни малейшего желания просить за нее. Вернувшись в кабинет, он снова принялся за живопись.

В резиденции воцарился редкий покой. Но никто не ожидал, что это лишь затишье перед бурей.

Когда бдительность домашних ослабла, Чжан Чжилань, воспользовавшись отсутствием мужа, проскользнула в кабинет. Увидев картину, она была настолько потрясена, что застыла на месте, не заметив, как вошел Гань Цзиньюань.

Он резко дернул ее за руку, и она упала на пол.

— Госпожа, вы второй раз врываетесь в мой кабинет. Хотите украсть военные секреты? — холодно спросил он.

Чжан Чжилань поднялась, отряхнулась и спросила:

— Тот, кто на картине... это князь Пин?

Гань Цзиньюань промолчал.

— На этот раз прощаю. Но если повторится — не вини меня.

Чжан Чжилань вдруг расхохоталась:

— Это князь Пин! Ты любишь князя Пина! Ха-ха-ха, как смешно! Князь считает тебя другом, доверяет тебе, а ты... как ты смеешь питать к нему такие грязные мысли? Да как ты вообще живешь на свете?!

Она кричала, срываясь на визг. Она думала, что это какая-то девица, но оказалось — князь Пин, которого она сама любила! И именно Гань Цзиньюань встал у нее на пути. Она была готова растерзать его на куски. В ее глазах, устремленных на него, читалась смертельная ненависть.

Гань Цзиньюань помрачнел, подошел к дверям кабинета и приказал слугам уйти и никого не подпускать.

<http://bllate.org/book/21650/2234290>